

**УЗБЕКСКОЕ АГЕНТСТВО СВЯЗИ И
ИНФОРМАТИЗАЦИИ**

**ТАШКЕНТСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ**

Кафедра Истории Узбекистана

Махкамова Н.Р.

**ОЧЕРКИ СТАНОВЛЕНИЯ И ФОРМИРОВАНИЯ
НАЦИОНАЛЬНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ
УЗБЕКИСТАНА**
(конец XIX в. – конец 30-х гг. XX в.)
(научно-методическое пособие)

ТОШКЕНТ 2008

Уважаемый читатель!

На сегодняшний день трудно переоценить роль истории в формировании идеологии национальной независимости, духовном воспитании Молодого поколения. С обретением Узбекистаном национальной независимости появилась возможность изложить с объективной позиции историю богатого прошлого узбекского народа, его достижений в социально-политической, экономической, культурной и духовной жизни.

Особое место в истории нашего народа занимает изучение деятельности наиболее прогрессивного слоя общества, несущего знания, просвещение, культуру в массы — деятельности национальной интеллигенции в очень сложный и противоречивый период нашей истории с конца XIX в. до конца 30-х гг. XX в. На сегодняшний день изучение этого вопроса представляется очень важным, поскольку в годы господства коммунистической идеологии были незаслуженно заклеены или забыты имена ярких представителей национальной интеллигенции. Сегодня, в независимом Узбекистане, интеллигенции отводится достойная роль авангарда общественного развития. В связи с этим исторический опыт многообразной деятельности этого социального слоя в области просвещения, культуры в период царского колониализма и в советские годы приобретает особую актуальность.

Публикация данного научно-методического пособия призвано помочь молодому поколению Узбекистана в осознании необходимости возрождения богатого культурного и духовного наследия узбекского народа, повысить у него чувство гордости за великих предков, осознать свое место в обществе и те задачи, которые встанут в процессе возрождения культурного и духовного наследия народа.

РАЗВИТИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В УЗБЕКИСТАНЕ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

В конце XIX – начала XX в. в социальной структуре узбекистанского общества происходят серьезные изменения. На арену общественно-политической жизни региона выступают новые слои, прослойки и группы, качественно меняются старые, уже функционирующие в ней. Эти изменения были продиктованы существенными переменами как в окружающем мире, так и в самом узбекистанском обществе. В данной статье речь пойдет о таком значительном слое общества, как национальная интеллигенция, которая в соответствии с изменившимся политическим и экономическим статусом Туркестана претерпела серьезные качественные изменения. Выполняя свое общественное предназначение – лидера общества, молодая национальная интеллигенция проявила себя в этот период в новых сферах деятельности: реформировании школьного образования, издании учебников, научной и популярной литературы, создании национальной печати, просветительстве, организации помощи нуждающимся соотечественникам, политике. С полной самоотдачей она посвятила себя служению Родине, просвещению своего народа, борьбе за вывод его на путь прогресса и независимости.

Начавшееся в крае в конце XIX в. в бурное строительство железных дорог, промышленных предприятий, развитие хлопководства, товарно-денежных отношений и т. д. обусловили появление новых административных учреждений, банков, торговых фирм, юридических контор, почтовых отделений, типографий, различных учебных заведений, культурно-просветительских учреждений и др. Функционирование всех этих структур требовало образованных людей,

знающих местную специфику и язык, для чего нужны были новые формы обучения и новые учебные заведения.

Первым шагом в этом направлении было открытие в регионе в начале 80-х годов XIX в. русско-туземных школ. В них были заинтересованы в равной мере и колониальная администрация, и местные купцы и предприниматели. И отнюдь не случайно, что первая русско-туземная школа была открыта 19 декабря 1884 г. в азиатской части г. Ташкента в доме богатого купца Сеид-Гани Сеидазимбаева¹. В ней занимались 39 мальчиков – дети ташкентских казиев, аксакалов, гласных городской думы, купцов. В школе преподавали русскую грамматику, разговорный русский язык, чтение, арифметику, географию, а кроме того, в школе изучали узбекский язык, правила шариата и мусульманского вероучения. Каждый ученик половину учебного времени обязательно занимался в русском классе и столько же – в узбекском классе. Обучение было бесплатное². Педагогов для русско-туземных школ готовила открытая в 1879 г. Ташкентская учительская семинария, где треть мест предоставлялась юношам коренной национальности. Изучение узбекского языка в ней было обязательным предметом.

В 1886 г. было открыто 14 русско-туземных школ в различных городах края: Старом Маргилане, Андижане, Намангане, Оше, Джизаке и др.

В 1895 г. открылись 4 русско-туземные школы с интернатами для детей из сельской местности, кроме того, при школах стали создаваться вечерние курсы для взрослых. На 1 января 1896 г. в крае функционировало 28 школ, из них восемь – в Ташкенте, Самарканде и Коканде, поскольку там

¹ Остроумов Н.П. Сарты: Этнографические материалы: Изд. 2. Ташкент, 1898. С. 117.

² Граменицкий С.М. Очерк народного образования в Туркестане//Сборник материалов для статистики Сырдарьинского областного статистического комитета. Т. V. Ташкент, 1896. С. 44.

потребность в новых грамотных кадрах была более осязательна. В этих школах занималось 700 учащихся, а 230 человек обучались на вечерних курсах³.

Число русско-туземных школ в крае постоянно росло. В 1910 г. только в Ферганской области было 18 таких школ, в том числе 8 в городах и 10 в сельской местности, в них занималось 592 ученика. При 12 школах были открыты интернаты на 372 ученика; при 7 школах работали вечерние курсы для взрослых, которые посещали 198 человек⁴. К 1917 г. в крае было 126 русско-туземных школ с 6213 учащимися⁵.

В русско-туземных школах, помимо детей состоятельных родителей, обучались и дети из низших слоев местного населения, для которых это образование открывало возможность найти работу в многочисленных учреждениях колониальной администрации (переводчиками, писарями), в обслуживающей сфере (приказчиками, кассирами, счетными работниками). Многие из них поступали затем в специальные учебные заведения, которые в начале XX в. открываются в крае, - коммерческое, реальное, железнодорожное училища, сельскохозяйственную, гидротехническую школы и др.

Образованные представители прогрессивной национальной интеллигенции, работая педагогами в Ташкентской учительской семинарии и русско-туземных школах, внесли значительный вклад в подготовку кадров, отвечающих запросам узбекистанского общества на качественно новом этапе его развития.

Но русско-туземные школы были русскими школами для детей местного населения, готовившими кадры для работы в русских административных,

³ Там же. С. 45, 68.

⁴ Статистический обзор Ферганской области за 1910 год. Скобелев, 1912. С. 183.

⁵ Наука и просвещение. 1922. № 1, С. 15.

финансовых, коммерческих учреждениях, фирмах, ведущих торговые операции с Россией, для обслуживания железных дорог и промышленных предприятий. И хотя они сыграли определенную роль в подготовке кадров национальной интеллигенции, но не могли коренным образом решить проблему массовой подготовки образованных кадров из местного населения. Для этого надо было реформировать национальную систему образования.

Передовая национальная интеллигенция в лице ее лучших представителей – джадидов, болеющая за судьбы своего края и его народов, прекрасно понимала это. Она знала, что путь к прогрессу нации, ее возрождению, к освобождению от колониального гнета, пробуждению национального самосознания лежит через просвещение народа, воспитание нового, образованного поколения. Джадиды активно выступали за реформирование мусульманского школьного образования: введение в мактабах новых методов обучения, преподавания естественных дисциплин, использование в преподавании наглядных пособий, улучшение гигиенических условий в школах и т. д.

В 90-х годах XIX в. их стараниями в крае начинают создаваться новометодные школы. В Ташкенте первую такую школу открыл в 1904 г. видный деятель джадидского движения Мунаввар-Кори Абдурашидханов. Она была открыта в Шейхантаурской части старого города, в махалле Тарнаубаши. В школах для мальчиков преподавали: Коран, историю ислама, нравоведения, основы шариата, узбекский, арабский языки, арифметику, природоведение, географию. Для девочек преподавали: Коран, богослужение, богословие, чтение, правописание (примечательно, что девочек в новометодных школах

учили не только чтению, но и письму), арифметику, географию, рукоделие и основы гигиены⁶.

В 1921 г. в Ташкенте действовало 12 новометодных школ, где обучалось 1010 человек, в том числе 6 школ в Шейхантаурской части, 3 – в Сибзарской и 3 – в Беш-Агачской части. Все учредители и преподаватели этих школ были лицами духовного звания, воспринявшими новые веяния времени: Абдулла-Кори Сагдулла Ахунов (махалля Арнакуча), Ишан-Ходжа Ханходжаев (махалля Диванбеги), Низам-Кори мулла Хусаинов (махалля Гишт-мечеть), Агзамхан Абдурашидханов (махалля Дархан), Юсуп Магзун-хан Магомедов (махалля Ката-Терек), Исматулла-Кори мулла Султанов (махалля Тарашкал), Гани-хан Ибадуллаханов (махалля Мазар-хан), Сабир-хан Шакирджанов (махалля Тахтапуль), Иноят-Кори домолла Мирзаджанов (махалля Байкун), мулла Абдулла Ибрагим Тюряев (махалля Кук-мечеть), мулла Наджиметдин Шамсутдинов (махалля Кук-мечеть)⁷.

Новометодные школы постепенно завоевали признание родителей, стремившихся дать детям хорошее образование, понимавших, что процесс обучения в новых школах идет быстрее и дети легче усваивают знания. Однако реакционная часть духовенства враждебно встретила создание русско-туземных, а тем более новометодных школ. Поскольку видела в них конкурентов для мактабов, действовавших при мечетях. Священнослужители внушали своим прихожанам, что, отдавая детей в новые школы, они рискуют дать им недостаточное мусульманское религиозное воспитание и вырастят безнравственное поколение. Поэтому многие, особенно состоятельные родители, учили детей по новому методу дома параллельно с обучением в старометодных школах или после обучения в новометодных школах

⁶ ЦГА РУз, ф. Р-461, оп. 1, д. 1021, л. 30 – 31.

⁷ Там же, д. 1021, л. 18 – 19.

отдавали их еще на год в старометодные «для укрепления в религиозных обрядах»⁸. Это в известной мере объясняло незначительные темпы роста числа новометодных школ при неуклонном расширении сети старометодных школ. Так, в 1916 г. в Туркестане было 7290 старометодных школ и 39 новометодных⁹. Не способствовал их росту и отказ колониальной администрации разрешить преподавание в новометодных школах русского языка из-за боязни конкуренции русско-туземным школам. Русский язык преподавался только в некоторых новометодных школах повышенного типа¹⁰.

Успешное развитие учебного процесса в новометодных школах затруднялось отсутствием единых учебных планов и программ. Сторонники введения новых методов обучения в мусульманских школах неоднократно обсуждали этот вопрос на разных уровнях. В сентябре 1910 г. Мунаввар-Кори Абдурашидханов направил в Государственном Думу петицию о необходимости реформирования на государственном уровне школьного образования в Туркестане, введения единых программ и учебников¹¹. В мае 1914 г. эта же проблема широко дискутировалась представителями передовой национальной интеллигенции, собравшимися в доме судьи Шейхантаурской части г. Ташкента. Выступавшие обращали особое внимание на необходимость введения в новометодных школах единых программ как средства для повышения эффективности учебного процесса и обеспечения возможности свободного перехода учащихся из школы в школу. На собрании был избран комитет уполномоченных по выработке единой школьной программы, в который вошли педагоги новометодных

⁸ Там же, д. 1315, л. 32.

⁹ Наука и просвещение. 1922, № 1, с. 15.

¹⁰ История Узбекистана. Т. II, Ташкент, 1986. С. 404.

¹¹ ЦГА РУз, ф. Р-461, оп 1, д. 1260, л. 22.

школ Мунаввар-Кори Абдурашидханов, Кори-Самиг Зияев, Шакир-Джан, Мухаммад-Расул, Абдулла Авлони, работавший в это время также корректором газеты «Садои Туркестон», и учитель русско-туземной школы Абду-Маджид-Кори¹².

Преподавание в новометодных школах затруднялось и отсутствием учебников на узбекском языке. Первое время преподаватели использовали учебники на татарском языке, издававшиеся в Казани и Оренбурге. Но постепенно этот пробел начинает восполняться усилиями лучших туркестанских педагогов новометодных школ и активными деятелями джадидской интеллигенции. В 1902 г. были изданы: букварь «Устоиди авваль», написанный практикантом Ташкентской учительской семинарии Саид-Расуль Саидазизовым, и хрестоматия для русско-туземных и новометодных школ Туркестанского края, составленная учителем Али-Аскарком Калининым¹³. В 1907 г. Мунаввар-Кори Абдурашидханов издает учебник «Адиби авваль». Надо отметить, что это была первая книга, выпущенная открытой в старгородской части г. Ташкента литографией купца Гулям-Хана Арифджанов¹⁴. В 1912 г. в Ташкенте издаются учебники Абдулла Авлони «Адабиёт», «Биринчи муаллим» и «Книга для чтения для новометодных и русско-туземных школ» учителя Серкибая Акаева, а в Коканде — учебник «Туркча коида» учителя Мухаммедамина Мухаммедкаримова. В эти же годы выходят в свет учебники, подготовленные самаркандским учителем Абдукадыром Абдушукуровым, широко

¹² Там же, д. 1468, л. 180; д. 2144, л. 76.

¹³ Чабров Г.Н. Русская прогрессивная интеллигенция в дореволюционном Туркестане и влияние передовой русской культуры на коренное население Средней Азии//Труды ТашГУ. Вып.346. Ташкент, 1970. С. 38.

¹⁴ ЦГА РУз, ф. Р-47, оп 1, д. 1065, л. 346.

известным под именем Абдукадыра Шакури, и лидером туркестанских джадидов Махмудходжой Бехбуди.

Помимо учебников, в исследуемый период в крае издается на узбекском языке большое число переводной и оригинальной литературы, преимущественно научно-популярного характера. Первую книгу на узбекском языке. «Календарь на 1871 год», подготовил и издал тиражом 500 экз. Шагимурат Ибрагимов. Он же издал календари на 1872 и 1873 гг. После этого число выпускаемой на узбекском языке литературы начало неуклонно расти. Назовем наиболее интересные издания. В 1875 г. предприниматель Н.М. Бахтиаров опубликовал свою брошюру «Банковские операции», которая свидетельствовала об интересе нарождающейся узбекской буржуазии к кредитной системе и работе банков. В 1886 г. широко известный купец Сеид-Гани Сеидазимбаев издал брошюру о своем конском заводе. В этом же году переводчик Самаркандского областного правления Шер-Али Лапин выпустил карманный русско-узбекский словарь на 4 тыс. слов, а в 1901 г. выходит шестязычный «Словарь на сартовском языке, с объяснением русских, арабских, персидских, тюркских и индийских слов в мусульманской транскрипции», составленный известным просветителем Исхак-ханом. В 1904 г в Кагане была издана «История Бухары» Мухаммада Наршахи – первая литографированная публикация исторического источника. В 1910 г. вышла книга Худоятбека Юргули Атаева «Вниманию туземцев-шелководов», которая пользовалась большой популярностью у специалистов по шелководству. В 1914 г. по заказу Махмудходжи Бехбуди была издана карта Туркестанского края.

Публиковались на узбекском языке также книги и брошюры по наиболее актуальным для того времени вопросам, переведенные с русского языка, - «О вреде наркотиков», «О причинах заболеваний риптгой»,

«Практическое руководство оспопрививания», «О прокаже», «О холере», «Спутник врача в Средней Азии» и многие другие. В 1908 г. в Самарканде была издана в переводе Коканбая Абдулхалыков книга Л. Ламсстрита «Пчела и улей». По свидетельству современников, она была образцом изящного литографированного издания с превосходно отпечатанными иллюстрациями¹⁵.

В исследуемый период на арене общественной жизни появляется и национальная печать, которая особенно ярко иллюстрирует процесс становления новой национальной интеллигенции. Первая газета на узбекском языке начала издаваться в Туркестане в 1870 г. в виде приложения к русской газете «Туркестанские ведомости» под названием «Туркестанская газета». Выходила она 4 раза в месяц: 2 раза на узбекском языке и 2 раза на казахском языке. С января 1883 г. она стала самостоятельным изданием и выходила еженедельно только на узбекском языке. С 1887 г. она получила название «Туркестанская туземная газета» («Туркистон вилояти газетаси»). Издавалась до 1916 г. Первым редактором был Шагимурат Ибрагимов, затем редакторами были Мулла Алим Махмудходжа, Н.П. Остроумов и др. Эта газета была официальным органом колониальной администрации.

Национальные газеты и журналы прогрессивного направления начали издаваться в начале XX в. Их издателями и редакторами были видные представители национальной интеллигенции. В июле 1906 г. в Ташкенте вышла газета «Таракки», издателем и редактором которой был Саид-Измаил Габбитов. За свою «противоправительственную публицистическую деятельность» в ноябре 1906 г. газета была закрыта, а ее издатель решением Ташкентского окружного суда

¹⁵ Чабров Г.Н. Указ. Статья. С. 38.

оштрафован на крупную сумму. В феврале 1907 г. по ходатайству военного губернатора Сырдарьинской области он был выслан из края¹⁶. Помимо газеты «Таракки», в Ташкенте издавались: с сентября по декабрь 1906 г. газета «Хуршид» (издатель и редактор Мунаввар-Кори Абдурашидханов), с декабря 1907 г. по февраль 1908 г. — газета «Шухрат» (издатель и редактор Абдулла Авлони), с февраля по май 1908 г. — газета «Осийё» (издатель и редактор А.Бектемиров). В Самарканде с апреля по октябрь 1913 г. выходила газета «Самарканд», а с августа 1913 г. по июнь 1915 г. — журнал «Ойна». Издателем их был Махмудходжа Бехбуди. Практиковались и издания группой лиц на паях, как, например, газета «Бухоро-и Шариф», издававшаяся в Бухаре в 1910 г. Гиясом Хасановым, Мирзой Юсуф-заде и доктором Мирзой Сираъхуровым, или газета «Садои Туркистон», выпускавшаяся в Ташкенте в 1914 г. частным присяжным поверенным Убайдуллою Ходжаевым, переводчиком окружного суда Хасан-Ходжи Ходжаевым, купцом Абду-Хакимом Сарымсаковым, преподавателем новометодной школы Мунаввар-Кори Абдурашидхановым.

Под воздействием новых веяний издательской деятельностью начали заниматься и передовые образованные представители местных торгово-промышленных кругов: в 1907-1908 гг. известный купец, человек широких прогрессивных взглядов Сеид-Гани Сеидазимбаев издавал газету «Туджор»; в 1914 г. крупный предприниматель, имевший европейское образование, свободно владевший французским и английским языками, Абдурахман Саёх издавал журнал «АКль-Ислох»¹⁷. Но все эти издания выходили очень недолго. Их кратковременность объяснялась недовольством колониальной администрации «вредной

¹⁶ ЦГА РУз, ф. Р-461, оп. 1, д. 942, л. 1-2.

¹⁷ Там же, д. 2144, л. 96.

противоправительственной направленностью» газет и боязнь, что публикуемые в них материалы «будут способствовать пробуждению у местного населения освободительных идей»¹⁸.

Новую волну активизации национальной печати вызвали события весны 1917 г. В течение этого года в разное время издавались газеты «Нажот» (редактор Мунввар-Кори Абдурашидханов), «Кенгеш» (редакторы Ахмад Заки Валиди и Мунввар-Кори Абдурашидханов), «Шурои Ислам» (редактор А.Боттол), «Турон» (редакторы Абдулла Авлони, Низомиддин-Кори, Мухаммад Амин), «Хуррият» (редакторы Ақобир Шомансуров, Мордонкул Шомухаммад-заде), «Улуг Туркистон» (редакторы Содик Абдусаттаров и Кобир Бакиров) и др.

Все это свидетельствует о том, что в начале XX в. национальной интеллигенцией края был накоплен значительный опыт издания национальной прессы, сформировался сильный редакторский корпус, сложились значительные авторские силы, в числе которых были Абдурауф Фитрат, Ашурали Зохири, Обиджон Махмудов, Ходжи Муин Шукрулло, Гази Юнусов, Ахмад Заки Валиди Тоган, Лазиз Али-заде, Мухтар Бакиров и др. Появление национальной периодической печати имело большое общественно-политическое, просветительское и культурное значение. Она пропагандировала в массе читателей передовые прогрессивные идеи, распространяла новые знания, стимулировала развитие узбекского языка.

Большую пользу делу служения своему народу приносили грамотные узбекские юноши, работавшие писарями, переводчиками в различных краевых канцеляриях, судах, полицейских участках и т. д. Они были как бы связующим и защищающим звеном между зависимым местным населением и всемогущей

¹⁸ Там же, д. 57, л. 602 об.

колониальной администрацией. Многие из них состояли на учете в Туркестанском охранном отделении за свое активное участие в составлении прошений и жалоб от лица местного населения на злоупотребления колониальной администрации. В их числе – писарь Ассакинского волостного управления Алимджан-Ходжа Юсупов, переводчик пристава 11-го участка г. Андижана Латифджан Мадали Казиев, переводчик мирового судьи 1-го участка г. Андижана Акбар Али Байгурсунов, переводчик Андижанского уездного правления Сулейман Кенгельбаев и многие другие¹⁹.

Нельзя не отметить и другой весьма важный аспект переводческой деятельности национальной интеллигенции, внесшей ценный вклад в пропаганду великого наследия узбекской культуры, - перевод на русский язык узбекских исторических и литературных рукописных текстов. В 1911 г. в «Вестнике Ташкентской офицерской школы восточных языков» были опубликованы: отрывок из «Тарихи Рахими», переведенной на русский язык Муллою Абдуганиевым, и подстрочный перевод с комментариями «Гулистана» Саади, сделанный учащимся Ташкентской мадраса Беклярбеги Мурад-Ходжой Салиходжаевым. Самаркандский каллиграф и любитель древностей Мирза Абду-Сеид Магзум переводил для археолога В.Л. Вяткина надписи Мирза Абдаррахман Мухаммад-Латиф Мустаджир помогал ориенталисту А.Л. Куну в его работе по изучению архива хивинских ханов; каллиграф, коллекционер и художник Мирза Барат Муллакасымов переводил для В.Л. Вяткина сочинение Ходжи Абу-Тахира «Самария», содержащее описание самаркандских святынь (опубликовано в «Справочной книжке Самаркандской области на 1898 год»). Сам Мирза Барат Муллакасымов, по свидетельству писателя В.Крестовского, побывавшего у

¹⁹ Там же, д. 2023, л. 24-25; д. 1902а, л. 61.

него в гостях в 1887 г., работал над составлением альбома куфических, сульских и магалинских надписей, украшавших фронтоны, купола и минареты самаркандских мечетей, а также надписей на могильных плитах мавзолеев Шах-и Зинда и на «скале Тамерлана»²⁰.

Большой вклад в сохранение культурного наследия узбекского народа внесли собиратели рукописных книг. В 80-х годах XIX в. широкую известность получила деятельность представителя старой национальной интеллигенции, казия Сибзарской части Ташкента Мухитдина-Ходжи. В его хорошо подобранном собрании восточных рукописей был редкий экземпляр «Зафар-намэ» Шарафутдина Йезди с миниатюрами. Значительными собраниями книг располагали жители старгородской части Ташкента Хайрутдин-бек и Бекиджан, жители Коканда Юнусджан Дадхо Мухаммадов, Мулла Раджи, Ходжи Яхья, казий Махмуд и многие другие²¹.

Широк был диапазон деятельности растущей национальной интеллигенции. Помимо отмеченных аспектов, они вели большую работу по оказанию помощи нуждающимся согражданам. Так, весной 1909 г. в Ташкенте было создано благотворительное общество «Помощь». Его учредителями стали Бакиджанбай Дададжанбаев (председатель), Баширулла Асадулла Ходжаев (секретарь), Мулла-Зуфар Умаркариев (казначей), Абдували-Ходжи Абдулмаликбаев, Абдулла Авлони, Низамеддин-Кори Мулла-Хусейнов, Мунаввар-Кори Абдурашидханов, Ташходжи Тулякбаев. Как отмечалось в Уставе общества, его целью было оказание помощи всем нуждающимся в улучшении нравственного и материального состояния. С этой целью должны были открываться приюты для сирот, стариков, инвалидов, больницы, амбулатории, столовые, ночлежные дома и т. д.

²⁰ Чабров Г.Н. Указ. статья С. 16, 21, 29, 40.

²¹ Там же. С. 22.

В задачи общества входило и оказание помощи нуждающимся учащимся²². Для оказания помощи учителям новометодных школ в 1914 г. было создано благотворительное общество «Амдодия»²³.

Занималась национальная интеллигенция и широким просветительством, организуя издательства по выпуску дешевой книжной продукции, как, например, издательство «Нашриёт» в Ташкенте, «Туркестанское издательское товарищество» в Андижане. Они открывали в различных городах края книжные магазины, где продавались книги по низким ценам, а также библиотеки-читальни. Большую книготорговую фирму «Зарафшан» учредил в 1915 г. в Самарканде Сеид-Ахмад-Ходжа Сиддики, который вместе с Махмудходжой Бехбуди организовал широко известный своей деятельностью кружок самаркандской интеллигенции²⁴. В декабре 1916 г. Абдулла Авлони при своей книжной лавке в старгородской части Ташкента организовал просветительское общество «Турон» «с широкими просветительскими целями»²⁵.

В 1914 г. прогрессивной национальной интеллигенцией были сделаны первые шаги по созданию национального театра: 27 февраля в Ташкенте в здании театра «Коллизей» мусульманской любительской группой под руководством частного присяжного поверенного Убайдуллы Ходжаева была поставлена на узбекском языке трехактная драма Махмудходжи Бехбуди «Падаркуш» («Отцеубийца»). Главной идеей этого произведения была значимость образования для мусульманских детей, дающего им возможность участвовать в общественно-

²² ЦГА РУз, ф. Р-461, оп. 1, д. 1329, л. 38, 68, 192.

²³ Там же, д. 2144, л. 80.

²⁴ Там же, д. 1315, л. 291-292, 332; д. 1470, л. 218 об., 221 об.; д. 1910. л. 8-10.

²⁵ Там же, д. 2144, л. 138-139.

политической жизни общества. Театр был переполнен. Перед началом спектакля Мунаввар-Кори Абдурашидханов прочел лекцию о великом значении театра в культурном развитии народа, отметив при этом, что в театре «можно услышать светлую мысль и увидеть отражение жизни со всеми светлыми и темными ее сторонами». Помимо пьесы, в этот вечер были исполнены национальные песни и музыка. Сборы от спектакля пошли в пользу благотворительного общества «Амдодия»²⁶. Затем в течение года спектакль «Падаркуш» был показан в Коканде, Андижане, Намангане. В декабре он был повторен в Ташкенте. На этот раз сборы от спектакля пошли в пользу газеты «Садой Туркистон»²⁷.

В июне 1916 г. той же ташкентской мусульманской любительской труппой под руководством Убайдуллы Ходжаева была подготовлена драма в четырех действиях «Олиляр». Ее автором был Джалал Мамед-кулизаде – редактор журнала «Молла Насреддин», издававшегося в Тифлисе и закрытого в 1914 г. за противоправительственную направленность. Был назначен день спектакля – 11 июня, выпущена афиша, но местные власти не разрешили дать представление, так как сборы с него должны были пойти на возобновление издания журнала «Мола Насреддин»²⁸. Несмотря на это, ташкентская любительская труппа продолжала свою творческую деятельность, поставив пятиактную оперу молодого узбекского драматурга и композитора А.Мирвани «Асли ва карам». Спектакль был показан ташкентской публике в театре «Коллизей» дважды – 30 декабря 1916 г. и 13 января 1917 г. Оба спектакля шли при переполненном зале²⁹.

²⁶ Там же, д. 1470, л. 14.

²⁷ Там же, д. 2144, л. 95.

²⁸ Там же, д. 1786, л. 8, 12, 16.

²⁹ Там же, д. 1920, л. 4.

Таким образом, к концу второго десятилетия XX в. узбекистанское общество уже имело в своей структуре деловую и творческую интеллигенцию, которая сформировалась в новой экономической и политической ситуации, получила общее и специальное светское образование как в самом регионе, так и за его пределами – в России, Европе, Турции. В рядах новой национальной интеллигенции были прекрасные педагоги (Мунаввар-Кори Абдурашидханов, Абдулла Авлони, Абдукадыр Шакури, Мухаммад Расуль, Саид-Расуль Саидазизов и др.), издатели и журналисты (Махмудходжа Бехбуди, Ашурали Зохири, Мусса Саиджанов, Бобоахун Салимов и др.), юристы (Убайдулла Ходжаев, Саид Али-Ходжа Мусса Ходжаев, Абдурахман-бек Уразаев и др.), историки (Мухаммад Солих-Кори Тошкентди, Саттархан Абдулгафаров, Мулла Алим Махмуд-Ходжи), поэты и писатели (Абдурауф Фитрат, Муками, Тавалло, Завки, Фуркат, Абдулахмад Чулпон, Абдулла Кодыри, Хамза Хаким-заде Ниёзи). Сохранился и такой факт: в 1912 г. газета «Туркестанский курьер» (№230) поместила заметку о том, что в Петербурге в женском медицинском институте занимается мусульманка из Ташкента Яхи-опа.

Из среды национальной интеллигенции выдвинулась целая плеяда ярких, одаренных просветителей и активных образованных политических деятелей – Махмудходжа Бехбуди, Мунаввар-Кори Абдурашидханов, Убайдулла Ходжаев, Таппулатбек Норбутабеков, Ислом Шоахметов, Миродил Мирзаахметов, Ахмад Заки Валиди Тоган, Обиджон Махмудов, Абдурахман-бек Уразаев и многие другие. Достаточно сказать, что в составе Временного правительства первой национальной республиканской государственности – Туркистон Мухторияти все его восемь

членов были блестяще образованные люди, причем пятеро из них – юристы³⁰.

Прогрессивная национальная интеллигенция, возглавив движение за экономическое освобождение своего народа, его демократические свободы, приобщение к интеллектуальному прогрессу и процветанию, поиск путей его политического освобождения, внесла в это дело свой весомый вклад, который требует еще дальнейшего глубокого изучения и всестороннего освещения.

³⁰ Туркестан в начале XX века: к истории истоков национальной независимости. Ташкент, 2000. С. 84.

ФОРМИРОВАНИЕ В УЗБЕКИСТАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ СЛОЯ НОВОЙ СОВЕТСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ (20-е годы XX века)

Советскому государству, образовавшемуся в результате государственного переворота 1917 г., была крайне необходима своя интеллигенция – социальная категория любого цивилизованного общества, состоящая из специалистов профессионально занимающихся высококвалифицированным умственным трудом в различных областях государственной, производственной, научной, культурной и общественной деятельности, и имеющих, как правило, образование, соответствующее их профессии. Поскольку у советского государства практически не было своей пролетарской интеллигенции, то в первые годы перед ним стояли две задачи – привлечь на службу старую интеллигенцию и начать формировать новую «рабоче-крестьянскую интеллигенцию». Поэтому этот слой в советском обществе в период его становления был разделен на интеллигенцию старую – «буржуазную» и новую – «пролетарскую».

В первые годы советской власти в Туркестанской республике помимо общей проблемы установления взаимоотношений советской власти с интеллигенцией особо стояла проблема ее взаимоотношений с национальной интеллигенцией, которая в смутный период многочисленных силовых акций диктатуры пролетариата 1917–1918 гг. понесла большие потери. Очень многие деятели национальной интеллигенции, возглавлявшие просветительское и национально-патриотическое движение в крае, в этот период вместе с прогрессивным мусульманским духовенством были репрессированы, депортированы или вынуждены были покинуть Отечество.

Большевики, считая Туркестан экономически и культурно отсталым регионом с крайне малочисленной национальной интеллигенцией, к тому же зараженной идеями «панисламизма» и «пантюркизма», отказывались видеть в национальной интеллигенции интеллектуальную часть общества, способную стать помощницей новой власти. По их мнению, она должна была быть подвергнута классовой большевистской трансформации или же просто уничтожена как классовый враг³¹.

Борьба советской власти с национальной интеллигенцией означала борьбу с этносоциальной, этнокультурной спецификой жизни коренного населения Туркестана, его ментальностью. Как пишет Баймирза Хайит, «советская власть не хотела понимать стремление народов к национальному развитию на своей национальной базе, а не к интенсивному развитию в общем потоке без учета их национальных особенностей»³². Опираясь на силу власти государственной машины, она проводила последовательную политику по деформации общественного сознания и межнациональных связей, разрушению социальной структуры общества коренного населения региона, которое стремилось сохранить свою самобытность и претворить право на самоопределение.

Патриотически настроенные, национальные лидеры, работавшие в правительстве, Т.Рыскулов, К.Атабаев, С.Турсунходжаев, И.Хидыралиев, А.Рахимбаев, Н.Тюракулов, Ф.Ходжаев, А.Фитрат и др. активно выступали за привлечение национальной интеллигенции к строительству новой жизни, несмотря на отрицательное отношение к ней большевиков-европейцев. Благодаря их стараниям национальные кадры специалистов получали возможность служить своему народу - пошли работать в

³¹ Хасанов Б.В. Национальная интеллигенция Узбекистана и исторические процессы 1917-начала 50-х годов. – Т., 2002. – С. 10.

³² Hayit Baymirza. Op. cit. – P. 47.

систему народного образования, культурно просветительные учреждения, профессиональные национальные театры, органы печати.

Национальная интеллигенция в начале 20-х годов приняла активное участие в обсуждении вопроса реформы письменности. А.Фитрат, Ашурали Зохири, Бату, Эльбек и др. выступали против поспешности перевода узбекской письменности на латинскую графику, за необходимость тщательной разработки новых правил орфографии. Значительный вклад внесла национальная интеллигенция в этот период и в становление советской национальной печати, хотя работать им приходилось в условиях, «когда агрессия новых властей по отношению к любой другой идеологии... проявлялась все более открыто»³³.

Более сложным было положение мусульманского духовенства, как составляющей части национальной интеллигенции среднеазиатского общества – мусульманского духовенства. Первые же декреты советской власти «Об отделении церкви от государства», «О гражданском браке, о детях, о ведении книг актов гражданского состояния», «О расторжении брака, об уничтожении сословий и гражданских чинов», «Об отмене вакфного имущества», «О ликвидации судов казиев и биев», «О закрытии медреса и мактабов» нанесли удар по духовенству, как интегрирующей силе мусульманского общества. Кроме того, Конституция Туркестанской республики, принятая в 1918 г., лишила все духовенство избирательных и политических прав, исключив его тем самым из общественно-политической жизни. Но государственными актами не возможно было отменить всеобъемлющее влияние религии, которое складывалось и утверждалось веками. Они лишь вызвали сильное

³³ Бабаджанов Б.М. Журнал «НАҚИҚАТ» как зеркало религиозного аспекта в идеологии джадидов. – TIAS Central Eurasian Research Series. – Токио, 2002. – С. 12.

недовольство основной массы населения, а влияние духовенства в повседневной жизни осталось практически прежним. Однако, опасаясь взрыва народного недовольства, советская власть вынуждена была пойти на отдельные уступки. Она разрешила преподавание основ религии в мусульманских школах, в 1922 г. вернула вакфное имущество, восстановило суды казиев и биев, восстановило для верующих мусульман пятницу днем отдыха, вместо воскресенья. В феврале 1923 г. было учреждено общество «Махкамаи Шариа», которое проводило работу по разъяснению нравственных основ Ислама, значение Корана, хадисов в духовном развитии общества³⁴. Таким образом, в первые годы советской власти мусульманское духовенство в Туркестане продолжало регулировать гражданские правовые отношения местного населения, оставалось в известной мере организатором народного образования через мактабы и мадраса.

Но такое положение было явно временной уступкой пролетарского государства из-за нестабильности политической ситуации в стране в первые годы советской власти. Уже к концу 20-х гг. XX в. советское государство начало политику открытых гонений на мусульманское духовенство, в результате чего к концу 30-х гг. XX в. оно было практически уничтожено.

Отвергнув старую интеллигенцию, воспитанную свергнутым буржуазным режимом, как ненадежного партнера в строительстве нового социалистического общества, государство диктатуры пролетариата начало формировать свою рабоче-крестьянскую интеллигенцию. Наиболее эффективным путем для реализации этой сложной задачи был путь, апробированный опытом

³⁴ Мустафаева Н.А. Основные направления и проблемы культуры Узбекистана в 20-30 гг. XX века в историографии периода//Автореф. дис...канд. ист. наук. – Т., 1999. –С. 27.

развития цивилизованных государств, когда образованные и высококвалифицированные специалисты подготавливались в высших и средних специальных учебных заведениях. Но и в этот наработанный международный опыт государство диктатуры пролетариата внесло свои коррективы — революционную анархию и жесткую классовую направленность.

В Туркестане формирование новой советской интеллигенции было связано с целым рядом дополнительных трудностей, обуславливающих особую специфику этого процесса. Прежде всего, в колониальном Туркестане не было высших учебных заведений и система высшего образования создавалась на пустом месте. Первым высшим учебным заведением в крае был Туркестанский народный университет, торжественно открытый 21 апреля 1918 г. У его истоков стояли видные представители национальной интеллигенции Мунаввар Кори Абдурашидханов, Содик Абдусаттаров, Бурхон Хабиб, Мухтар Бакир, Абдулло Авлони и др.³⁵ В ноябре 1918 г. силами местных востоковедов был открыт Туркестанский восточный институт (в 1924 г. он вошел в состав Среднеазиатского государственного университета как восточный факультет.)

В сентябре 1920 г. в Ташкенте открылся Туркестанский государственный университет — крупное многопрофильное высшее учебное заведение, которое до конца 20-х годов готовило всех необходимых для региона специалистов (с июля 1923 г. он получил статус Среднеазиатского государственного университета (САГУ).

Формирование рабоче-крестьянской интеллигенции через высшую школу предполагало коренное изменение ее социального облика и классового предназначения, то есть изменение социальной структуры

³⁵ Рахимий Ш. Маорифимизинг утгандаги ва хозириги холи. — Т., 1923. — Б. 18.

студенчества, профессорско-преподавательского состава и идеологической направленности учебно-воспитательного процесса.

Для осуществления этих задач в августе 1918 года были отменены национальные и сословные ограничения, существовавшие при приеме в высшие учебные заведения до октября 1917 года, и установлены новые правила, обеспечивающие беспрепятственный прием в них представителей

пролетариата и беднейшего крестьянства. При этом также были отменены вступительные экзамены и обязательное представление при поступлении в вуз документа о полученном образовании. Тем самым широко открывались двери для получения высшего образования людям без качественных базовых знаний. В программе партии, принятой в марте 1919 года, прямо указывалось, что ближайшая задача государства в области высшего образования состоит в том, чтобы "дать фактическую возможность пролетариям и крестьянам воспользоваться высшей школой".

В начале 20-х годов был принят ряд правительственных решений, включивших вузы в общую систему государственных учреждений, руководители вузов и их факультетов стали советскими работниками, исполнительная власть в вузах теперь принадлежала правлению, работающему под общим контролем Наркомата просвещения, должность ректора стала выборной. Специальное партийное совещание по вопросам народного образования, состоявшееся в декабре 1920 года, рекомендовало, чтобы ректорами вузов избирались "крупные партийные работники — опытные организаторы, знающие высшую школу". Если же такой кандидатуры не было, то при ректоре-профессоре должен был быть заместителем "стойкий и энергичный партийный товарищ".

В соответствии с этой партийной установкой, в декабре 1920 года ректором Туркестанского государственного университета был избран 25-летний студент технического факультета А.Ф.Солькин — видный деятель компартии Туркестана, в 1918-1919 годах являвшийся председателем ее краевого комитета. Но для того, чтобы руководить таким крупным вузом, как Туркестанский государственный университет, особенно в период его становления, одной партийной стойкости и энергии оказалось явно недостаточно и в мае 1921 года ректором был избран профессор А.Л.Бродский. А.Ф.Солькин стал при нём проректором по административно-хозяйственной работе, чтобы проводить "твердую партийную линию"³⁶. Кроме того, для обеспечения выдержанной советской линии в деятельности университета был создан совет, в который входили — ректор, проректор, деканы факультетов, по 4 представителя от преподавательского состава и от студентов каждого факультета, а так же представители общественных организаций³⁷. Пролетарскому студенчеству были предоставлены большие права участвовать в управлении университетом. Согласно положению "О представительстве студентов в университетских организациях", они вводились во все университетские организации: в советы университета и факультетов, правления и президиумы этих советов, в хозяйственную, библиотечную и другие комиссии, им предоставлялось равное с преподавателями количество мест, равные права при решении всех вопросов, выплачивалась равная заработная плата³⁸. Предполагалось, что такое активное участие студентов в управлении своим учебным

³⁶ Очерки истории Ташкентского государственного университета. — Т., 1980. — С. 25-26, 226.

³⁷ ЦГА РУз, ф.Р-34, оп.1, д.172, л.38.

³⁸ Там же, ф.Р-368, оп.1, д.33, л.12.

заведением будет вырабатывать у будущих рабоче-крестьянских интеллигентов чувство хозяина, имеющего полное право руководить как своим обучением, так и всей страной. И студенты 20-х годов весьма широко пользовались этим правом, активно вмешивались не только в бытовые стороны студенческой жизни, но и в организацию учебного процесса.

По свидетельству современников, это было время студенческих митингов и дискуссий о целях и задачах высшего образования, организации учебно-воспитательной работы, целесообразности факультетской структуры вузов, сдачи экзаменов и зачетов, а вузовский учебный процесс стал полигоном самых разнообразных анархистских экспериментов, не имевших аналогов в истории развития высшей школы³⁹. По инициативе студентов и революционно настроенных сотрудников Наркомпроса были изменены формы учета успеваемости студентов и даже сами методы обучения. С 1923 года в вузах стал применяться, так называемый, "коллективный учет" успеваемости, согласно которому преподаватель ставил каждому студенту свою предварительную оценку его успеваемости, которая затем обсуждалась на общем собрании студентов и преподавателей группы и коллектив определял окончательную оценку. Как правило, она оказывалась выше оценки преподавателя. Таким образом, студенты сами определяли уровень требований к своим знаниям.

В январе 1926 года вместо "коллективного учета" был введен учет успеваемости на групповых педагогических советах, в которых участвовали все преподаватели группы, 3 представителя от студентов данной группы и один представитель общественной организации факультета. Заседания этих советов

³⁹ Дворкина Е.А. Из истории развития университета. //Труды ТашГУ. Новая серия. — Вып.170. — Т.,1960. — С. 38.

проводилось 9 раз в году. Частично отменив "коллективный учет", новая форма учета успеваемости студентов фактически только сузила рамки его применения. При такой форме учета практически во всех группах средняя успеваемость получалась 90%, что далеко не соответствовало действительности. Все это подрывало авторитет преподавателя, уважение к знаниям, так как выдвигало на первое место революционную общественную активность студентов.

Изменениям подверглись и методы обучения студентов. Были отменены традиционные, оправдавшие себя в мировой вузовской практике, лекционные и лабораторные занятия. Взамен был введен "лабораторно-бригадный" метод обучения, когда группа студентов получала от преподавателя определенное задание, над выполнением которого коллектив группы работал самостоятельно. После окончания работы над темой один из студентов группы, как правило наиболее подготовленный, отчитывался перед преподавателем и по его ответам всей группе ставилось "сдано", без проверки знаний остальных студентов. Этот метод приводил к обезличке учебного процесса и снижению качества знаний студентов. По свидетельству очевидцев такого обучения, массовым явлением было, "когда малограмотные специалисты оканчивали учебные заведения"⁴⁰.

В ноябре 1929 года партия поставила задачу "всемерно усилить подготовку новых пролетарских специалистов, на которых советская власть могла бы полностью и целиком опереться в своей грандиозной работе по строительству социализма". Для ее решения вузы должны были ускорить темпы подготовки специалистов, привести их в соответствие с темпами индустриализации и социалистического переустройства сельского хозяйства. В

⁴⁰ Валиев А.Э. Подготовка национальных пролетарских кадров в Узбекистане. — Т., 1934. — С. 51.

соответствии с этой партийной установкой в конце 1929 года в вузах появились группы "ускоренных выпусков со встречными планами". Студенты брали обязательства пройти курс обучения за три года, вместо положенных пяти лет, за счет всемерной активизации учебного процесса, отменялись зачетные сессии, написание и защита дипломных проектов, сокращалась многопредметность учебных программ. Взамен устанавливался "общественный контроль над улучшением и углублением проработки учебного материала". Появились даже планы перехода вузов на непрерывный учебный год, перестройки их работы по заводскому принципу⁴¹.

Все эти эксперименты тормозили развитие учебного процесса, отрицательно сказывались на усвоении необходимого материала, а, следовательно, и на качестве знаний подготавливаемых специалистов — новой пролетарской интеллигенции.

И только в сентябре 1932 года, когда стали совершенно очевидны отрицательные последствия всех этих "левацких" нововведений, постановлением "Об учебных программах и режиме в высшей школе и техникумах" были отменены бригадно-лабораторный метод обучения, коллективные сдачи экзаменов и зачетов, восстановлены лекции, как основной метод обучения, защиты дипломных работ, экзаменационные сессии, введены вступительные экзамены в вузы по основным специальностям⁴².

Идеологами партии в процессе подготовки новой рабоче-крестьянской интеллигенции огромная роль отводилась формированию у нее марксистско-ленинского мировоззрения. Поэтому одновременно с изменениями

⁴¹ Овсянников К. Классовая борьба в высшей школе и задачи комсомола. — М., 1931. — С. 129-132.

⁴² Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства. — 1932, № 68. — С. 409.

форм учебного процесса вузов в 20-е годы меняется и его содержание. Партия считала, что "каковы бы не были основные задачи каждого типа школы, в частности вузов и техникумов, она, вырабатывая специалиста в той или иной отрасли, должна готовить в его лице общественно-политического работника, вооруженного теорией марксизма-ленинизма".

В соответствии с этим положением, на первый план учебного процесса высшей школы было выдвинуто не качество знаний подготавливаемого специалиста, а выработка у него марксистско-ленинского мировоззрения борца за повышение классовой бдительности. Для этого с 1926/27 учебного года в программы всех вузов, независимо от их профиля, впервые в мировой практике вузовского образования, было введено обязательное изучение общественно-политических дисциплин — марксистско-ленинской философии, политической экономики, конституции, советского права. В конце 30-х годов было введено обязательное изучение курса истории ВКП(б). Руководители советского государства были убеждены, что изучение этих дисциплин должно помочь студентам защититься от буржуазного влияния, сформироваться в активных общественно-политических деятелей, чтобы после окончания вузов быть вооруженными не только фундаментальными знаниями по избранной специальности, но и марксистской идеологией. При этом упорное внедрение марксистско-ленинского мировоззрения в идеологию общества отрицало любое другое мировоззрение. Студенты, не принимавшие его, объявлялись враждебными строю элементами и немедленно исключались из вуза. Из-за возможной угрозы потери партийного влияния, в 1927 году были возвращены 39 студентов из Узбекистана, занимавшихся в различных высших учебных заведениях Германии — Берлинском, Гейдельбергском, Фрейбургском университетах,

Берлинской, Дрезденской, Дармштадтской высших технических академиях, Берлинской сельскохозяйственной академии и др. Решение было принято, несмотря на то, что большинство из них в следующем 1928 году заканчивали курс своего обучения и должны были стать дипломированными специалистами⁴³.

Вся работа вузовских партийных и комсомольских организаций была направлена на коренное изменение социального состава студенчества, вытеснение из вузов выходцев из буржуазной и мелкобуржуазной среды и замену их представителями рабочего класса и трудового крестьянства. Анкетные данные каждого студента очень тщательно проверялись. Глава правительства Узбекистана Ф.Ходжаев в своем докладе на III съезде советов с большим беспокойством говорил о том, что в вузах безжалостно отчисляют студентов "только потому, что они находятся в родственной связи с бывшими купцами, торгашами или чиновниками, ...несмотря на то, что им осталось учиться год или полтора, что они через год могут выйти уже настоящими спецами". Он называл эти действия неправильными и бессмысленными⁴⁴. Действительно это было бессмысленно и экономически невыгодно, но политика брала верх над разумом.

Все эти усилия администрации и общественности были весьма результативны. Если в составе студентов Туркестанского государственного университета в 1922 году было 20,2% крестьян, 18,2% рабочих и 34,5% представителей "буржуазных элементов", то в 1923 году крестьяне составляли 33%, рабочие 29,7%, а "буржуазные элементы" только 4,3%, в 1927 году крестьян было 36,2%

⁴³ ЦГА РУз, ф.Р-94, оп. 1, д. 475, л. 12-15; O'zbekiston adabiyoti va san'ati. — 1993. — 28 may.

⁴⁴ Ходжаев Ф. Избр. труды. — Т. II. — С. 336.

рабочих 25%, а "буржуазных элементов" уже вообще не было⁴⁵.

Во второй половине 20-х годов в Узбекистане, кроме открытого в 1927г. в Самарканде Узбекского высшего педагогического института (преобразованного в 1931 г. в Педагогическую академию), специалистов по всем необходимым специальностям готовило одно высшее учебное заведение – Среднеазиатский государственный университет (САГУ). Несмотря на материальные трудности, сложности с комплектованием контингента, число его студентов постепенно росло. В 1925 г. оно увеличилось в 2 раза, по сравнению с первым годом его работы, и составило 2852 человека, в 1927 г. в нем обучалось уже 3657, 1928 г. – 3949 человек⁴⁶. Росло и число преподавателей. Если в 1920 г. их было 170 человек, в том числе 43 профессора, то в 1927 г. было уже 265 человек, в том числе 65 докторов наук и профессоров, и 85 кандидатов наук и доцентов⁴⁷. В конце 20-х годов университетом были подготовлены первые специалисты с высшим образованием из местных национальностей Т. Кары-Ниязов, А.Аскараров, Н.Исмаилов, Т.Захидов, И.Исламов, А.Шамсиев, З.Саиднасырова⁴⁸.

Но из-за целого ряда объективных и субъективных причин число выпускаемых специалистов было очень незначительным. В 1925 г. (это был год, когда университет окончили студенты первого набора 1920 г.) было выпущено 149 специалистов, в 1927 г. – 261, 1928 г. – 250, 1929 г. – 398⁴⁹. Очень медленно решалась задача

⁴⁵ Баранов П.А. Среднеазиатский университет. Исторический очерк. — Т., 1927. — С.51.

⁴⁶ Средняя Азия в цифрах. — С. 278.

⁴⁷ Университет в цифрах. — С. 12.

⁴⁸ Валиев А. Формирование и развитие советской национальной интеллигенции в Средней Азии. — Т., 1966. — С. 114.

⁴⁹ ГА г.Ташкента, ф. 38, оп. 1, д. 263, лл. 10-12.

подготовки специалистов из молодежи коренных национальностей. В 1925 г. в САГУ занималось 157 студентов коренных национальностей (5,5% всего контингента), в 1927 – 253 (6,9%), в 1928 – 319 (8,1%). Для решения этой проблемы, начиная с 1928/29 учебного года, при всех факультетах вузов и техникумов стали создаваться подготовительные курсы для молодежи коренных национальностей (в 1930 г. они были преобразованы в подготовительные отделения с дневным и вечерним обучением). В результате в 1929 г. студенты коренных национальностей среди зачисленных на первый курс САГУ составили почти 1/5 часть набора, а среди студентов, принятых в 1930 г., их было уже 37,5%⁵⁰.

Широко открывая двери высшей школы для всех желающих, независимо от уровня и качества их базового образования, государство диктатуры пролетариата создало для себя дополнительную и весьма сложную проблему. Суть ее заключалась в том, что устремившаяся в вузы и техникумы рабоче-крестьянская молодежь в большинстве своем не имела прочных знаний в объеме программы средней школы, а это являлось серьезным препятствием для усвоения ею вузовской программы. Для устранения этого препятствия была создана совершенно новая в мировой практике вузовская структура — рабочие факультеты (рабфаки), которые были призваны дать рабоче-крестьянскому контингенту знания в объеме средней школы, обеспечить выполнение задачи пролетаризации студенчества для формирования новой советской интеллигенции.

Рабфаки создавались при высших и средних специальных учебных заведениях, как промежуточное звено в вузовском учебном процессе. Они были специфической, нигде и никогда ранее не существовавшей

⁵⁰ Ташкентский государственный университет. 1920-1970 гг. — Т., 1970. — С. 52.

формой массового приобщения молодежи к высшему образованию на жесткой классовой основе. По своему положению они приравнивались к основным факультетам вузов и техникумов, а их студенты — к студентам дневных факультетов. В отличие от средней школы, не имевшей классовых ограничений, на рабфаки принимались только рабочие и крестьяне и их дети, а также демобилизованные красноармейцы, которые направлялись по путевкам партийных, комсомольских и профсоюзных организаций. Предпочтение отдавалось коммунистам и комсомольцам.

Рабфаки служили надежным источником пролетаризации вузов. Они создавались двух типов: на предприятиях — вечерние (обучение длилось 4 года без отрыва от производства) и при вузах — дневные (обучение длилось 3 года с отрывом от производства). Большая часть студентов рабфаков занималась на вечерних отделениях. В 1930 году в Узбекистане на дневных отделениях занималось 850 человек, а на вечерних — 2900⁵¹. В программу рабфаков входило изучение предметов общеобразовательной школы, но большое место в ней занимало изучение обществоведческих политических дисциплин, таких как политическая грамота, история классовой борьбы, политическая экономия, экономическая политика, внешняя политика и др. Формы и методы учебы на рабфаках были такие же, как и на основных факультетах вузов.

Учащиеся рабфаков, как правило, были люди с большим жизненным опытом, но со слабыми знаниями, которые должны были пройти курс средней школы вместо 8-10 лет за 3-4 года. В целом же, чтобы из рабфаковца получился специалист требовалось 8-9 лет непрерывной учебы: 3 года на рабфаке и 5 лет в вузе. Поэтому большую часть студентов в конце 20-х годов составляли зрелые

⁵¹ Подготовка кадров в СССР (1927-1931 гг.). Статистический сборник. — М., 1933. — С. 114.

люди. В 1930 году в вузах республики занималось 8900 студентов, в том числе 3259 были рабфаковцами⁵². Из этого общего числа студентов 33,6 % были старше 30-ти лет, 27 % были в возрасте 27-29 лет и только 4,8 % были 16-19 лет⁵³.

Все эти факторы обуславливали снижение качественного уровня знаний специалистов, подготавливаемых высшей школой республики в конце 20-х годов. Именно это являлось причиной тех многих просчетов и ошибок в проектных, сметных и монтажных работах, срывов сроков завершения строительства новых объектов, низкого качества выпускаемой продукции и других негативных явлений, имевших место в народном хозяйстве республики в этот период. Например, в проекте строившегося в 1927-1928 годах консервного завода в Ташкенте, проектировщики забыли выделить помещение для парового котла, не предусмотрели систему водоснабжения. Все это пришлось потом дополнительно достраивать. В целом строительство завода обошлось республике в 900 тысяч рублей, вместо запланированных 400 тысяч рублей. Сметные расчеты стоимости строительства шелкомотальной фабрики в Самарканде в 1927 году составляли 388 тысяч рублей, на деле ее строительство обошлось в 540 тысяч рублей. Электростанция в Маргилане была построена в 1928 году без учета ее нагрузки, в результате чего стоимость ее киловатт-часа составила 1 рубль, тогда как его средняя цена на других электростанциях составляла 15-20 копеек⁵⁴. Во второй половине 20-х годов продолжало действовать «выдвиженчество», как путь пополнения советской интеллигенции, работающей в административном

⁵² Средняя Азия в цифрах. Статистический сборник. — Т., 1931. — С. 278.

⁵³ Подготовка кадров в СССР (1927-1931 гг.). — С. 70.

⁵⁴ См.: Ходжаев Ф. Избр. труды. — Т. II. — С. 533-534.

аппарате, для которой, по мнению партии, в силу сложившихся в тот период специфических политических условий, образовательный ценз не играл главенствующего значения. «Выдвиженчество» особенно активизируется по принятия 7 марта 1927 г. постановления ЦК ВКП(б) «О задачах партии в деле выдвижения рабочих и крестьян в госаппарат», которое обязывало партийные и профсоюзные организации улучшить эту работу и оказывать выдвиженцам необходимую помощь. Оно становится главным направлением работы партии в конце 20-х годов. Уже в 1927г. в республике было выдвинуто на руководящую работу 202 рабочих местных национальностей, в 1928 г. – 268. Но большинство из этих выдвиженцев, как и в начале 20-х годов, имело крайне низкий образовательный уровень.

Правда, нельзя отрицать тот факт, что в числе выдвиженцев были талантливые и упорные люди, которые, пройдя путь практической работы, самообразования, учебы без отрыва от производства, стали действительно крупными государственными и хозяйственными руководителями. Многие из них закончили высшие учебные заведения, стали дипломированными специалистами и действительно пополнили ряды интеллигенции республики. Например, крупными специалистами своего дела стали – Карим Балтаев (народный комиссар земледелия Узбекистана), Убайдулла Рузыбаев (ректор Узбекской высшей сельскохозяйственной школы), Акбар Исламов (народный комиссар финансов Узбекистана), Джурабек Тюробеков (заместитель председателя правительства республики) и мн.др.⁵⁵

Все вышеизложенное свидетельствует о том, что процесс формирования слоя новой советской рабоче-крестьянской интеллигенции в узбекистанском обществе

⁵⁵ См.: Революцией призванные. Биографические очерки. Вып.2. – Ташкент. 1991.

через высшую школу в начале 20-х годов был детерминирован жесткой классовой политикой государства диктатуры пролетариата. Она проявлялась в классовом подходе к социальному составу студентов, создании облегченных условий для поступления и обучения в вузах рабоче-крестьянского контингента, повышенной идеологизации вузовских программ в ущерб специальным дисциплинам, революционном экспериментировании над вузовским учебным процессом.

ФОРМИРОВАНИЕ В УЗБЕКИСТАНЕ В 30-Е ГОДЫ XX ВЕКА НАЦИОНАЛЬНЫХ НАУЧНЫХ КАДРОВ. КОМИТЕТ НАУК

Развитие производительных сил Узбекистана в начале 30-х годов XX века, поставило перед обществом новые, серьезнейшие проблемы, такие как, повышение эффективности производственных процессов, организаций труда, изучения и использования природных ресурсов, улучшение качества проектных и строительных работ, дальнейшее развитие сети народного образования и здравоохранения⁵⁶. Выполнить эти задачи республика могла только при наличии своей научной базы и научных кадров. Это и обусловило создание в Узбекистане в 30-е годы многопрофильной сети научно-исследовательских и проектных учреждений (при этом надо отметить, что большая часть из них успешно функционирует и в настоящее время) и активное формирование новой, пока еще немногочисленной, но очень значимой для общества, социальной группы национальных кадров научных работников.

В начале 1932 г. в республике успешно функционировало уже 52 научно-исследовательских учреждения – в том числе 9 занимались проблемами растениеводства, 9 – животноводства, 11 – медицины, 4 – промышленности, 6 – геофизики, 13 – проблемами культурного строительства.⁵⁷

Для руководства всей этой обширной сетью научно-исследовательских учреждений и координации их научных разработок 4 октября 1932 г. при Центральном

⁵⁶ Ходжаев Ф. Доклад на 1-й конференции АН СССР по изучению производительных сил Узбекистана. — Избр. труды. Т. III. — С.143-162.

⁵⁷ ЦГА РУз. Ф. Р-837. Оп.10. Д.173. Пл.46-48

Исполнительном Комитете советов Узбекистана был образован Комитет наук⁵⁸. В 1934 г. он был передан в подчинение Совету Народных комиссаров Узбекистана. Первым его председателем был назначен 27-летний Атаджан Хашимов - талантливый ученый, литератор, критик. В 1926 г. он окончил Институт красной профессуры, в 1932 г. - аспирантуру при Институте востоковедения Академии наук в Ленинграде, в 1937 году стал жертвой сталинского террора.

В состав Комитета наук вошли Ташкентская обсерватория, Китабская астрономическая широтная станция, Самаркандская сейсмическая станция, Гелиотехническая лаборатория, Комитет по делам музеев и охраны памятников (Узкомстарис), Государственная публичная библиотека, Зоологический сад, Книжная палата.

В положении о Комитете наук были четко сформулированы задачи и обязанности Комитета. Поскольку создан он был с целью руководства научно-исследовательскими учреждениями Узбекистана, то основными задачами Комитета соответственно были разработка узловых научных проблем, организация теоретической научной работы, развитие и совершенствование научных дисциплин, изучение естественных производительных сил республики и содействие их использованию и приспособлению к практическому применению в промышленности и культурном строительстве республики, организация и контроль дела подготовки научных кадров, организация вспомогательных учреждений, необходимых для осуществления его деятельности.⁵⁹

Кроме того уже в год создания Комитета перед ним была поставлена еще одна важнейшая задача -

⁵⁸ Там же. Ф. Р-95. Оп.2. Д.464. Л.50.

⁵⁹ См.: ЦГА РУз. Ф.Р-86. Оп.1. Д.6699. Л.340

«прорабатывать и осуществлять мероприятия по созданию Узбекстанской Академии Наук». ⁶⁰ Таким образом, организация Комитета наук явилась очередной ступенью на этом пути создания.

Что касается структуры Комитета, то в него входили: Председатель, два заместителя Председателя, Ученый секретарь и один член комитета. При Комитете науки состоял Совет, в состав которого, кроме членов комитета входили: ответственный руководитель крупных научных учреждений, ответственные научные сотрудники комитета, представители наркоматов, имеющих в своем составе научные организации, представитель Уз. Госплана, ЦК комсомола Узбекистана, СААНИУ, Узсовпрофа, председатели секторов науки Средазбюро ЦК ВКП(б), ЦК КП(б), УзсредазЭКОСО и представители ученых советов наркоматов. Помимо этого деятельность Комитета наук осуществлялась также и через штатных научных сотрудников и научных работников, которые могли временно привлекаться для выполнения каких-либо специальных задач. ⁶¹

В декабре 1932 года в Ленинграде состоялась первая конференция по изучению производительных сил Узбекистана. На ней были обсуждены почти все имеющиеся научные данные об Узбекистане, а также перспективы развития всех отраслей народного хозяйства. С одним из основных докладов выступил Председатель Совнаркома Узбекистана Файзулла Ходжаев. Всего было заслушано 78 докладов, 35 из них было сделано представителями Узбекистана, что свидетельствовало о значительном росте научных сил в республике. ⁶²

⁶⁰ Там же

⁶¹ См.: ЦГА РУз. Ф. Р-86. Оп. 1. Д. 6699. С. 341-342

⁶² А.К.Валиев Из истории науки в Узбекистане. // Общественные науки в Узбекистане, 1993, №5, с. 15

Уже в 1934 году на заседании ЦИК Советов Узбекистана одним из главных вопросов повестки дня был вопрос о состоянии науки и, соответственно, о деятельности Комитета Наук. Докладчики, которые выступали по данному вопросу, констатировали тот факт, что в республике наметился значительный рост научно-исследовательской работы, а с созданием Комитета Наук «внесено некоторое упорядочение в целевую установку и во внутреннюю структуру научно-исследовательских институтов... в ряде научно-исследовательских учреждений в основном подобран и сконцентрирован кадр научных работников». ⁶³

Тем не менее, нужно отметить, что, несмотря на все успехи, научно-исследовательская деятельность в республике не была лишена недостатков. Это вынуждено было признавать и правительство республики. Как отмечалось на заседании ЦИК Советов «по сравнению с огромным ростом народного хозяйства» и «огромным культурным строительством», именно состояние науки Узбекистана оценивалось как «развивающееся не теми темпами и не в тех масштабах, как того хотелось бы». Среди недостатков в работе отмечались такие, как недостаточно тщательный «с точки зрения партийного и социального состава» подбор научных сотрудников научно-исследовательских учреждений и аспирантуры, слабая комплектация институтов и учреждений научными кадрами коренной национальности ⁶⁴. Одним из самых слабых участков работы научно-исследовательских организаций являлась подготовка научных кадров. Состав аспирантуры, качество подготовки, отсутствие утвержденных профилей аспирантов и программ преподавания были признаны крайне неудовлетворительными. В связи с этим ЦИК Советов

⁶³ ЦГА РУз . Ф Р-86. Оп. 10. Д.122. Л.244

⁶⁴ ЦГА РУз . Ф Р-86. Оп. 10. Д.122. Л.245 —

постановил пересмотреть действующее положение о Комитете наук, усилив его планово-методическое руководство всей сетью научных учреждений Узбекистана».⁶⁵

В связи с данным постановлением значительно расширился состав научных учреждений, входящих в ведение Комитета Наук. В 1934 году в составе Комитета по инициативе А.Хашимова открывается Узбекский научно-исследовательский институт языка и литературы. Первым его директором был назначен сам А.Хашимов. Этот институт был создан на базе литературного и лингвистического секторов бывшего Узбекского Научно-исследовательского Института культурного строительства. В его состав входили два сектора: литературный и лингвистический. Литературный сектор вел разработку проблем узбекской советской литературы и критики, фольклора, истории узбекской литературы, библиографии, темы лингвистического сектора включали вопросы грамматики, лексики, диалектологии и фонетики. В том же 1934 г. при Комитете наук была создана Комиссия охраны природы, основной задачей которой являлась «учет, изучение и охрана генетических фондов природы и их обогащение».⁶⁶ В начале 1935 г. Комитет наук организует свое издательство и начинает издавать журнал «Социалистическая наука и техника». За 1935 г. издательством было выпущено 311,5 авторских листов книжной и журнальной продукции.⁶⁷

Положительные сдвиги наметились и в деятельности остальных подразделений, непосредственно входящих в Комитет наук. Узбекским Комитетом охраны памятников старины в 1935 году проводились архитектурно-археологическое обследование мавзолея и

⁶⁵ Там же. Л.247

⁶⁶ Там же. Ф.Р-837. Оп.14. Д.835. Л.22

⁶⁷ Там же. Л.33

медресе Барак-хана в Ташкенте, изучение монументальной живописи XIV – XVII веков, обследование неолетических стоянок долины Ширабада, археологическое обследование западной полосы Бухарского оазиса с целью выявления и фиксации древних поселений и др.⁶⁸

Удовлетворительно шла работа Ташкентской астрономической обсерватории, которая в ряду обсерваторий страны занимала особое положение, налагающее отпечаток на характере ее работы. Из всех советских обсерваторий она была наиболее южной, наиболее восточной и была расположена в наиболее выгодных для астрономических работ климатических условиях.⁶⁹ Выгодность ее местоположения, как в географическом, так и в климатическом отношениях, и определило в будущем тот факт, что именно Астрономический институт стал одним из наиболее ярких звеньев в системе Академии Наук Узбекистана.

Кадровый вопрос был одним из важнейших вопросов в деле совершенствования деятельности научно-исследовательских учреждений республики. Он рассматривался правительством не только с точки зрения увеличения количества людей науки. Очень важным являлось и повышение их интеллектуального уровня. Поэтому очень большое значение придавалось деятельности Ташкентской Государственной публичной библиотеки, которая по количеству своих книжных фондов, в особенности книг восточно-краеведческого характера, резко выделялась из всех других библиотек Средней Азии. Только за один 1935-й год количество книг и журналов увеличилось с 975 000 до 1 050 000 экземпляров.⁷⁰ Однако, в ее работе был целый ряд трудностей. Из-за недостатков средств медленно шла

⁶⁸ ЦГА РУз. Ф. 837. Оп.14. Д. 835. Л. 19

⁶⁹ Там же. Л.23

⁷⁰ Там же. Л.28

комплектация фондов нужными учебниками, восточными рукописями, литературой на языках местных национальностей.

В целом, деятельность Комитета Наук проходила достаточно успешно. Но были в ней и серьезные недостатки. Прежде всего это были слабая связь с другими научно-исследовательскими организациями с одной стороны и хозяйственными организациями с другой. Кроме того не хватало средств, а значит не хватало научного оборудования, в плохом состоянии были помещения, иногда их не было совсем и т.д., не было возможностей научным сотрудникам выезжать в научные командировки.

Все это обусловило принятие СНК УзССР в 1938 году нового положения о Комитете наук. В нем подчеркивалось, что «Комитет наук является высшим научным центром УзССР, всемерно способствует общему подъему теоретических и прикладных наук, изучает достижения советской и мировой научной мысли».⁷¹ Определялась и главная задача Комитета на тот период – подготовка научной и материальной базы для создания Академии наук Узбекистана. Изменилась и структура Комитета. Во главе его стоял президиум, состоящий из председателя, двух заместителей – председателя и ученого секретаря. Также в его состав входили и дополнительные члены из числа высококвалифицированных научных работников, которые утверждались Советом Народных Комиссаров УзССР. Комитет наук делился на три отделения: отделение общественных наук, отделение математических и естественных наук и отделение технических наук. Каждые из этих отделений разделялись на группы, соответствующие научным специальностям. Основными органами научно-исследовательской работы Комитета наук являлись его научно-исследовательские

⁷¹ ЦГА РУз. Ф.Р-837. Оп.32. Д.1335. Л.15

институты. Деятельность каждого отделения направлялась советом отделения, в состав которого входили председатели групп и действительные члены отделений. Председателем совета отделения являлся председатель отделения, назначаемый президиумом Комитета наук. Деятельность группы направлялась и контролировалась советом группы, в состав которого входили действительные члены Комитета наук данной группы, директора институтов, руководители комиссий и руководители других учреждений, входящих в состав данной группы.⁷² По мере развертывания своей работы Комитет наук мог организовывать необходимые отделы, сектора, институты, библиотеки, лаборатории, кабинеты, музеи, комиссии и т.д.

План работы Комитета наук на 1939 год был составлен уже с учетом всех изменений, внесенных в новое положение о Комитете. Основное внимание было обращено на комплексное изучение Ташкентской и Ферганской областей, как ведущих областей республики. Предусматривалось выявление недр Чирчик-Ангренского бассейна и Ферганской долины, изучение поливной и богарной зоны в области растительных ресурсов. По сектору зоологии намечалось изучение почвенных вредителей, борьба с ними и обогащение пушной фауны Узбекистана новыми видами. Поскольку сельское хозяйство региона издревле было основано на искусственном орошении, то особо важными представлялись задачи по гидрологическим исследованиям: должно было начаться составление гидрологического очерка Ферганской долины и Чирчик-Ангренского бассейна, а также изучение селевых явлений и разработка мер борьбы с ними. В плане подчеркивалось, что в республике еще не обобщены имеющиеся климатические данные, поэтому необходимо начать

⁷² ЦГА РУз. Ф.Р-837. Оп.1335. Д.16. Л.17

крупную работу «Климат Узбекистана», которая должна будет оказывать помощь в разрешении разнообразных народно-хозяйственных проблем.⁷³

В области языка и литературы планировалась разработка научной грамматики, составление терминологического и орфографического словарей, сбор материалов по народному творчеству, изучение классиков узбекской литературы и переводы некоторых из них на русский язык.⁷⁴

К 1940 году под руководством и непосредственным контролем Комитета наук в Узбекистане в общей сложности насчитывалось 75 научно-исследовательских институтов, опытных и других станций.

Для того чтобы многоплановая работа всех научно-исследовательских структур республики была эффективной и результативной, нужны были высококвалифицированные научные кадры. Основной формой их подготовки в этот период была аспирантура при высших учебных заведениях и научно-исследовательских учреждениях. Первая аспирантура в республике была создана в 1926 году при Среднеазиатском государственном университете. В 1929 г. в университетской аспирантуре занималось 26 аспирантов, из них 10 человек — на физмате, 4 — на востфаке, 8 — на сельфаке, 4 — на медфаке. В числе этих аспирантов 5 человек были из местных национальностей: на восточном факультете занимались — Хошмухаммед Кеменгеров (кафедра тюркско-татарских наречий), Мухтар Ауэзов (кафедра истории литературы среднеазиатских народов); на сельскохозяйственном факультете — Артык-Мурат Юлдашев (кафедра хлопководства), Абдурахман Мурад (кафедра экономики и организации сельского хозяйства);

⁷³ Там же. Оп.32. Д.1834. Л.8-9

⁷⁴ ЦГА РУз. Ф.Р-837. Оп.32. Д.1834. Л.8-9

на медицинском факультете — Муса Кашкинбаев⁷⁵. Причем, Абдурахман Мурад поступил в аспирантуру после окончания в 1926 г. Берлинской сельскохозяйственной академии, хорошо владел немецким, персидским и турецким языками⁷⁶, остальные аспиранты окончили САГУ в 1928 г. В 1930 г. в САГУ было 39 аспирантов (8 на медфаке, 4 на экономфаке, 15 на физмате, 5 на сельфаке), из местных национальностей было по-прежнему 5 человек⁷⁷. В 1932 г. была создана аспирантура при Самаркандской педагогической академии, преобразованной в 1933 г. в Узбекский государственный университет. В ее первом наборе были будущие крупные ученые Яхья Гулямов, Ибрагим Муминов, Убай Арифов, Кадыр Закиров, И. Маваев⁷⁸.

Не все гладко шло в этом процессе. Жесткий классовый подход государства диктатуры пролетариата к решению кадровой проблемы не обошел и научную сферу. Была предпринята попытка внедрить в процесс подготовки научных кадров такой революционно-левацкий метод, как выдвиженчество. Он широко применялся советским руководством в 20-30-е годы для создания нового административно-управленческого аппарата и формирования рабоче-крестьянского студенчества. В 1929 г. в целях "планомерной подготовки молодых научных сил из рабочих и крестьян" в САГУ начало действовать "Положение о выдвиженчестве в аспирантуре". Партийная и комсомольская организации практически формировали состав аспирантуры "из

⁷⁵ Государственный архив г.Ташкента (далее ГА г.Ташкента), ф.38, оп.1, д.336, л.48.

⁷⁶ ЦГА РУз, ф.Р-94, оп.1, д.475, л.15.

⁷⁷ Эстрин А. К вопросу планирования подготовки национальных кадров специалистов. //Революция и национальности. — 1930. — №2. — С.55.

⁷⁸ Гулямова М.А. Из истории формирования узбекской советской интеллигенции. 1933-1937гг. — Ташкент, 1962. — С.53.

студентов двух последних курсов — активных членов студенческих научных кружков, проявивших склонность и способности к научной работе"⁷⁹.

Широкое развитие движение аспирантов-выдвиженцев получило в 1931 г., когда было принято новое положение, рекомендовавшее, начиная со второго года обучения в вузе, "выдвигать в аспирантуру наиболее активных студентов из рабочих, крестьян-бедняков и колхозников, проверенных как со стороны их академической и общественной работы, так и со стороны их марксистско-ленинской методологической установки"⁸⁰. В обстановке, когда значительная часть студентов из рабочих и крестьян с большим трудом справлялась с постижением вузовской программы, рассчитывать сделать из них ученых только на основе общественной активности и марксистско-ленинской идейной убежденности было просто абсурдно. Тем не менее, в июле 1931 года на биологическом факультете САГУ было оформлено 25 аспирантов-выдвиженцев, в их числе 18 мужчин и 7 женщин, по национальному составу это были — 12 европейцев и 13 человек из коренного населения⁸¹. Аспиранты-выдвиженцы группировались в бригады, в составе которых они должны были работать с руководителем. Но организовать такую работу с не подготовленным контингентом было очень сложно и все эти бригады в основном существовали только на бумаге. Как отмечали современники, в 1931 г. в САГУ были набраны аспиранты "из совершенно малограмотных людей, окончивших семилетку или рабфак, которые очень смутно представляли себе задачи аспирантуры и в большинстве

⁷⁹ ГА г.Ташкента. ф.38, оп.1, д.323, л.2.

⁸⁰ Там же, д.394, л.45.

⁸¹ ГА г.Ташкента. ф.38, оп.1, д.323, л.76.

случаев в научной работе не смогли реализоваться"⁸². И действительно, выдвиженчество в аспирантуре практической реализации не получило. В 1933 г. этот вопрос был пересмотрен, все неспособные к научной работе аспиранты-выдвиженцы были отчислены. Но осталось от этого левацкого эксперимента на последующее время одно, причем доминирующее, условие приема в аспирантуру, согласно которому будущий аспирант обязательно должен был быть активным общественником и представлять об этом специальную справку-характеристику. Ее отсутствие в 30-е годы давало основание руководству вуза отказать кандидату в аспиранты в зачислении в аспирантуру, несмотря на его способности и склонность к научной работе.

Помимо левацких перегибов, в развитии аспирантуры в этот период было много дополнительных сложных проблем: не хватало кадров научных руководителей, средств на научные командировки, издание и приобретение научной литературы, аспирантов перегружали общественной работой и т. д. И, тем не менее, в эти трудные годы в республике через аспирантуру было подготовлено много способных научных работников, ставших в последующем гордостью узбекистанской науки.

На 1 января 1938 г. в САГУ обучалось 60 аспирантов, в УзГУ — 30, на 1 января 1939 г. в САГУ было уже 80 аспирантов по 23 специальностям, в УзГУ — 37 по 12 специальностям, из них аспирантов-узбеков в САГУ было 28, в УзГУ — 8 человек. Заочной аспирантуры в Узбекистане не было⁸³.

Приведем несколько примеров рождения молодых ученых, окончивших аспирантуру УзГУ и САГУ в конце 30-х годов. 3 мая 1937 г. на ученом совете УзГУ аспирант

⁸² Валиев А.Э. Подготовка национальных пролетарских кадров в Узбекистане — Ташкент, 1934. — С.73.

⁸³ ЦГА РУз, ф.Р-94, оп.5, д.355Г, л.80.

биологического отделения естественно-математического факультета Кадыр Закиров защитил кандидатскую диссертацию на тему "Растительность Нипанской степи"⁸⁴. После защиты был оставлен преподавателем на кафедре "Ботаники", в 1938 г. получил ученое звание доцента, впоследствии стал основателем школы типологической классификации растительности в глобальном масштабе и высотной зональности на примере Средней Азии, был избран действительным членом АН Узбекистана. Весной 1938 г. аспирант того же факультета Муса Муминов защитил кандидатскую диссертацию по теме "Теплоемкость некоторых почв Узбекистана", в том же году был назначен директором Самаркандского пединститута⁸⁵. 8 февраля 1938 г. на ученом совете химфака САГУ защитил кандидатскую диссертацию аспирант Латиф Раджапов на тему "Исследование окисления среднеазиатского солярового масла"⁸⁶. 20 мая 1938 г. аспирант САГУ математик Тошмухамед Сарымсаков защитил кандидатскую диссертацию на тему "Распределение корней интегралов дифференциальных уравнений II-го порядка и асимптотическое решение некоторых алгебраических уравнений". После защиты был оставлен доцентом на кафедре "Математической статистики", в 1940 г. ученый совет университета выдвинул его в докторантуру с особой стипендией⁸⁷. В последствии Т.Сарымсаков стал крупным ученым с мировым именем, основателем ташкентской научной школы топологии и функционального анализа, академиком АН Узбекистана, был ректором САГУ, вице-президентом и президентом АН Узбекистана. 20 мая 1939 г. защитили

⁸⁴ ГА г.Ташкента, ф.38, оп.3, д.589.

⁸⁵ Народное образование в Узбекской ССР за 15 лет (1924-1939) — Ташкент, 1939, — С.183.

⁸⁶ ГА г.Ташкента, ф.38, оп.3, д.1309.

⁸⁷ Там же, д.1443.

кандидатские диссертации аспиранты САГУ — биолог Сари Юлдиев на тему "Структурные взаимоотношения привоя и подвоя" и химик Юлдаш Ташпулатов на тему "Влияние глинозема на солестойкость портландцемента"⁸⁸; 20 октября 1939 г. защитили кандидатские диссертации аспиранты-химики — Мухамед Ниязов на тему "Исследование теории и практики процессов теплоотдачи жидкостей и газов"⁸⁹ и Максуда Хаджинова (будущий академик АН Узбекистана) на тему "Комплексное химическое исследование полыни"⁹⁰; 22 декабря 1939 г. защитил кандидатскую диссертацию аспирант-химик Абдулла Султанов на тему "Термическое декарбокислирование карбоновых кислот". Диссертация была продолжением его дипломной работы, за которую А.Султанов получил авторское свидетельство⁹¹ и т.д.

В сентябре 1939 г. организовалась аспирантура в Ташкентском педагогическом институте. Было принято 17 человек, в их числе аспиранты-узбеки составляли 40%⁹². В середине 30-х годов была создана аспирантура и при медицинских институтах: в 1936 г. в Самаркандском медицинском институте был 1 аспирант, в Ташкентском медицинском институте — 13 аспирантов⁹³. В 1938 г. окончили аспирантуру в обоих институтах 9 человек⁹⁴.

Помимо количественного роста, в аспирантуре расширялся перечень специальностей. В 1939 г. в Узбекском государственном университете и Ташкентском педагогическом институте был объявлен набор в аспирантуру по специальности "узбекская литература и

⁸⁸ГА г.Ташкента, ф.38, оп.3, д.1840.

⁸⁹ Там же, д.1186.

⁹⁰ Там же, д.1700.

⁹¹ Там же, д.1545.

⁹² Народное образование в УзССР за 15 лет. — С.186.

⁹³ ЦГА РУз, ф.Р-837, оп.14, д.608, л.92,132.

⁹⁴ Там же. оп.32, д.666, л.138.

узбекский язык". Было принято по специальности "узбекская литература" в Узбекском государственном университете 2 аспиранта, в Ташкентском педагогическом институте — 5 аспирантов, по специальности "узбекский язык" в Ташкентском пединституте было принято 5 аспирантов. Научными руководителями по этим предметам были утверждены кандидат филологических наук, профессор Абдурахман Саади и доцент Махсуд Шейх-Заде⁹⁵.

Аспирантура работала и при крупных научно-исследовательских учреждениях. В Среднеазиатском научно-исследовательском институте хлопководства (СоюзНИХИ) аспирантура была создана в 1932 г. Из принятых в этом году восьми аспирантов из местных национальностей через четыре года шесть успешно защитили кандидатские диссертации: Рахмат Ахмедов — по специальности "орошение хлопчатника" (после защиты был направлен на работу главным агрономом в Беговатский райземотдел), Мухамед Гаипназаров — по специальности "селекция хлопчатника" (был направлен научным сотрудником в Ферганскую станцию защиты растений), Ишмат Узенбаев — по специальности "селекция хлопчатника" (был направлен старшим научным сотрудником в Казахское отделение СоюзНИХИ), Миркадыр Каримов — по специальности "энтомология" (был направлен старшим научным сотрудником в Центральную станцию защиты растений), Г. Бияшев — по специальности "агротехника" (был направлен преподавателем в Казахский институт земледелия), Ана-Мухамед Моллаев — по специальности "селекция

⁹⁵ ЦГА РУз, ф.Р-837, оп.32, д.666, л.66-67.

хлопчатника" (был направлен научным сотрудником в Казахское отделение СоюзНИХИ)⁹⁶.

В Институте курортологии и физиотерапии им.Н.А.Семашко аспирантура была создана вместе с его образованием в 1934 г. и было принято 4 аспиранта⁹⁷. В Узбекском научно-исследовательском институте языка и литературы аспирантура функционировала так же с 1934 г. В числе его первых аспирантов были известные в будущем ученые Иззат Султан, Х.Зарифов, Х Якубов, М.Афзалов, Д.Шарипов⁹⁸. Во второй половине 30-х годов в аспирантуре Института обучались Вахид Абдуллаев, Фахри Камалов, Салих Муталлибов⁹⁹ и другие впоследствии видные ученые. В 1935 г. в Институте было принято 25 аспирантов, в том числе 13 лингвистов и 12 литературоведов¹⁰⁰, в 1937г. было принято 14 аспирантов, из них 5 лингвистов, 9 литературоведов¹⁰¹. В Узбекском научно-исследовательском институте педагогики в год его образования (1934 г.) было принято в аспирантуру 53 человека по специальностям "педагогика" и "история педагогики". Но с 1937 г. подготовка аспирантов в Институте была прекращена из-за отсутствия необходимого числа квалифицированных научных руководителей. Аспирантов стали направлять в центральные города Союза. В 1937 г. в Москву было направлено 6 аспирантов по специальностям "история

⁹⁶Центральный государственный архив научно-технической и медицинской документации Республики Узбекистан (далее ЦГАНТМД РУз), ф.99, оп.2, д.1, л.118-119.

⁹⁷ Там же, ф.14, оп.1, д.94, л.20-22.

⁹⁸ Валиев А.К. Из истории науки в Узбекистане //Общественные науки в Узбекистане. — 1993.- №5. — С.15.

⁹⁹ Биобиблиографические очерки о деятелях общественных наук Узбекистана. — Т.1 — Ташкент, 1976. — С.9,307,398.

¹⁰⁰ ЦГА РУз, ф.Р-837, оп.14, д.835, л.35.

¹⁰¹ Там же, д.608, л.116. —

педагогике" и "теория педагогике"¹⁰². Имеются сведения, что в Среднеазиатском научно-исследовательском институте ирригации (САНИИРИ) в 1938 г. имелось 12 аспирантов, и было принято в 1939 г. 10 человек по специальностям: гидротехника (5 человек), ирригация (2 человека), механизация (3 человека)¹⁰³.

Всего в Узбекистане в конце 1938 г. было 289 аспирантов, в том числе 87 узбеков, 26 казахов, туркмен, таджиков и уйгур¹⁰⁴.

Помимо подготовки аспирантов внутри республики Комитет наук направлял будущих молодых ученых в аспирантуру в вузы и научно-исследовательские институты Москвы и Ленинграда, где готовились научные кадры по специальностям, необходимость которых диктовало время — геологоразведка, энергетика, химия, водное хозяйство, растениеводство, селекция и др. В 1936 г. там занималось 20 аспирантов узбеков¹⁰⁵, в 1937 г. — 27. Из этих 27 аспирантов 16 были аспирантами вузов и научно-исследовательских институтов Ленинграда — физик-радиолог Ш.Абидов, ботаник-селекционер Н.Абдуллаев, минеролог А.Баталов, гидрогеологи В.Гафуров, Н.Кенесарин, геологи И.Исамухамедов, О.Исламов, Б.Тешабаев, А.Садьков, генетик М.Минбаев, гидротехник С.Шарифкулов, физиолог Х.Алимов, зоологи Р.Салихов, И.Чалпанкулов, ботаник С.Шарифов, химик-органик Р.Рахманов; 11 проходили аспирантуру в Москве — гидрогеолог И.Ахмедсафин, биолог Н.Негматов, физик Х.Рахимов, химик-технолог Ф.Рахматуллин, горный инженер Ю.Нурмухамедов, физик Мулакандов, агрохимик М.Хамидов, геохимик С.Юнусова. В этой группе

¹⁰² ЦГА РУз, ф.Р-94, оп.5, д.2721, л.53,57.

¹⁰³ ЦГАНТДМ РУз, ф.87, оп.1, д.150, л.52.

¹⁰⁴ Узбекистан за XV лет. Статистический сборник. — Ташкент, 1939. — С.83.

¹⁰⁵ ЦГА РУз, ф.Р-837, оп.14, д.353, л.45-46.

аспирантов были 3 будущих академика АН Узбекистана: выпускник геологоразведочного факультета Среднеазиатского индустриального института инженер-технолог Хабиб Абдуллаев — будущий автор теории закономерностей формирования и распределения в земной коре главных полезных ископаемых, президент АН Узбекистана; выпускник того же института и факультета гидрогеолог Гани Мавлянов — будущий основоположник инженерно-геологической школы в Средней Азии, директор Института сейсмологии АН Узбекистана; выпускник химического факультета САГУ химик Сабир Юнусов — будущий основоположник алкалоидной школы в Узбекистане, директор института химии растительных веществ АН Узбекистана¹⁰⁶.

Успехи в подготовке в Узбекистане своих научных кадров в 30-е годы были обусловлены созданием необходимой материально-технической базы, а так же наличием опытных научных сил, которые могли стать научными наставниками талантливой молодежи, стремящейся в науку. В начале 30-х годов в республике уже были свои профессора и доценты. В числе первых профессоров-узбеков были лингвисты Абдурауф Фитрат, Гази Юнусов, Абдулло Авляни, математик Ташмухамед Кары-Ниязов, историки Муса Саиджанов, Пулат Солиев, философ Аббас Алиев, филолог Абдурахман Саади, аграрник С.Юлдашев. Из первых доцентов-узбеков надо назвать научных сотрудников УзНИИКС У.Турсунова, М.Салихова, Х.Алимджана, М.Уйгуна, преподавателей Ташпединститута З.Гимадиева, А.Абызова, преподавателей УзГУ И.Муминова, Р.Маллина, У.Турсунова, А.Тулягановва, А.Хамраева, преподавателей

¹⁰⁶ Там же, оп.32, д.666, л.97-98.

ТашМИ А.Аскарова, Г.Наджметдинова, А.Максудова, У.Джаббарова¹⁰⁷.

Научные кадры создавались не только через аспирантуру. Исследования и разработки, проводившиеся научными сотрудниками научно-исследовательских институтов и преподавателями учебных заведений республики, завершались защитой или кандидатских и докторских диссертаций. Летом 1937 г. Правительство республики выступило с ходатайством во Всесоюзный комитет по делам высшей школы о предоставлении Ташкентскому медицинскому институту права принимать защиту докторских диссертаций. Основанием для этого было то, что в этот период в институте разрабатывалось 26 тем докторских диссертаций¹⁰⁸. Так, доцент А.Аскарров работал над изучением причин кишечных заболеваний в Средней Азии, доцент Г.Наджметдинов рассматривал различные формы скрытой малярии, доцент А.Максудов работал над методикой переливания крови у детей при расстройствах пищеварения и т.д. Первым узбеком доктором медицинских наук был профессор кафедры гистологии Ташкентского медицинского института Зикрулло Рахматуллин, защитивший в 1940 г. в своем институте докторскую диссертацию на тему "Гистоморфология кишечника при брюшном тифе"¹⁰⁹.

Активно разрабатывались проблемы лингвистики. Основы узбекской научной грамматики изучали научный сотрудник Узбекского научно-исследовательского института языка и литературы Алим Усманов, преподаватель УзГУ Улуг Турсунов, преподаватель Ташгоспединститута Хусан Ганиев; проблемы истории узбекского языка и диалектологии исследовал преподаватель Ташгоспединститута Тиша Салимов,

¹⁰⁷ Там же, ф.Р-837, оп.22, д.23, л.18-24; ф.Р-94, оп.5, д.2310, л.23-24.

¹⁰⁸ ЦГА РУз, ф.Р-837, оп.32, д.666, л.54-55.

¹⁰⁹ ЦГАНТМД РУз, ф.96, оп.16, д.1.

методику преподавания узбекского языка и вопросы языковедения — преподаватели того же института Мурат Шамсиев и Фахри Камалов¹¹⁰.

Правительство Узбекистана, понимая всю важность развития творческой мысли, возможными ему средствами поддерживало научную работу ученых. 4 мая 1931 г. при СНК УзССР была создана специальная Комиссия по улучшению быта ученых¹¹¹. В последующий период она носила различные названия — Комиссия содействия ученым, Комиссия по обслуживанию ученых и др., но ее основная задача была постоянной — "всемерно поддерживать научные кадры республики и содействовать формированию новых научных кадров путем создания условий для возможно интенсивной работы"¹¹². Комиссия занималась организацией научных командировок, приобретала иностранную научную литературу. Так, в 1933г. из выделенных в распоряжение комиссии 3 тыс. рублей 34% было потрачено на приобретение литературы по медицине, 8% — по химии, 19% — по растениеводству, остальные — на литературу по электротехнике, геологии, математике, физике¹¹³. В 1935 г. комиссии было выделено 3750 рублей на приобретение иностранной литературы, 500 рублей — на приобретение за рубежом лабораторного оборудования и 500 рублей на приобретение для астрономической обсерватории спектрогелиоскопа¹¹⁴.

Рассматривая проблему формирования в 30-е годы XX века такой важной для узбекистанского общества социальной группы, как деятели науки, надо отметить, что помимо названных выше ученых, получивших научные степени и звания, свой научный путь именно в этот период

¹¹⁰ Народное образование в Узбекистане за 15 лет — С.185.

¹¹¹ ЦГА РУз, ф.Р-95, оп.2, д.464, л.50.

¹¹² Там же, ф.Р-837, оп.10, д.891, л.2.

¹¹³ Там же, оп.22, д.23, л.6.

¹¹⁴ Там же, д.38, л.23.

начинали еще очень многие крупные узбекские ученые, создавшие впоследствии свои научные школы и новые направления в науке. Из блестящей плеяды ученых Узбекистана, своими научными корнями уходящих в 30-е годы, назовем лишь тех, кто стал впоследствии академиками республиканской Академии наук¹¹⁵. Это — физик Убай Арифов, президент АН Узбекистана, директор института электроники АН Уз; физик Умар Султанов, ректор САГУ, президент АН Таджикистана; ботаник Джура Саидов, академик ВАСХНИЛ, директор Института ботаники АН Уз; философ Ибрагим Муминов, крупный организатор науки, вице-президент АН Уз, директор института философии АН Уз, один из инициаторов создания Узбекской энциклопедии, ее первый главный редактор; первый узбекский археолог-специалист Яхья Гулямов, исследовавший проблемы истории орошения Узбекистана с древнейших времен и до наших дней, истории первобытной культуры в Узбекистане; языковед Хасият Камилова, член-корреспондент АН Уз, старший научный сотрудник Института языка и литературы АН Уз, член авторских коллективов по созданию научной грамматики узбекского языка и разработке свода орфографических правил узбекского языка; математик Ташмухамед Кары-Ниязов, первый узбек-доктор физико-математических наук, первый президент АН Уз, создатель узбекской математической терминологии, автор трудов по истории культуры Узбекистана; химик-органик Абид Садыков, академик АН СССР, ректор ТашГУ, президент АН Уз; химик Хамдам Усманов, директор институтов АН Уз — химии, химии растительных веществ, полимерной химии; химик Карим Ахмедов, автор электрофоретического метода исследования водных

¹¹⁵ См.: Биобиблиографические очерки о деятелях общественных наук Узбекистана. — Т. I. — Ташкент, 1976; Узбекская советская энциклопедия; Энциклопедия "Ташкент". — Ташкент, 1983.

суспензий минеральных веществ, лауреат государственной премии Беруни, ректор Ташкентского политехнического института; химик Шукур Талипов, основатель научного направления по применению органических реагентов в аналитической химии, с 1942 г. декан химического факультета ТашГУ; зоолог Тиша Захидов, исследователь биоценозов пустыни Кызылкум, ректор САГУ, президент АН Уз, директор Института зоологии и паразитологии АН Уз; биолог Садреддин Юлдашев, директор Института генетики и физиологии растений АН Уз, директор СОЮЗНИИ, вице-президент ВАСХНИЛ, один из создателей сортов хлопчатника Ташкент 2, Ташкент 3; энергетик Хасил Фазылов, специалист по проблемам передачи электроэнергии на дальние расстояния, алгоритмизации и оптимизации режимов сложных электрических систем, директор Института энергетики и автоматики АН Уз; биолог Мирза-Али Мухамеджанов, специалист по агротехнике хлопчатника, министр земледелия Узбекистана, директор Института экспериментальной биологии растений АН Уз; физиолог Адхам Юнусов, специалист по регуляции водно-солевого обмена в организмах человека и животных; экономист Саидкарим Зиядуллаев, крупный научный и общественно-политический деятель, председатель Госплана Узбекистана, председатель Совета по изучению производительных сил Узбекистана АН Уз, один из руководителей и авторов разработок прогнозирования схемы развития и размещения производительных сил республики на долгосрочную перспективу, автор монографических исследований по вопросам планирования, региональной экономики, социальным проблемам размещения производительных сил; Мухаммад Уразбаев, создатель научной школы по динамичной теории сейсмостойкости, теории оболочек, директор Института механики и сейсмостойкости сооружений АН Уз; Халил

Рахматуллин, основоположник научной школы гидродинамики многофазных сред в Узбекистане; гидробиолог, гидробиоценолог Аулия Мухаммадиев, специалист по изучению гидробиологии водоемов Ферганской долины; литературовед, филолог Вахид Абдуллаев, автор свыше 350 публикаций по истории узбекской литературы позднего средневековья, нового и новейшего времени; микробиолог, ботаник Ахрар Музаффаров, директор институтов ботаники и микробиологии АН Уз, автор трудов по установлению закономерностей развития и распределения водорослей в горных водоемах Средней Азии континентальной флоре мира, изучению экологии полезных и вредных водорослей и многие другие.

Таким образом, 30-е годы XX в. были для Узбекистана периодом значительных созидательных перемен в научной сфере. Несмотря на многие отрицательные факторы, узбекистанское общество смогло реализовать свои богатые потенциальные возможности и в сравнительно короткие исторические сроки получить значительные результаты в разрешении такой важной проблемы, как создание своих национальных научных кадров. К концу 30-х годов во всех научно-исследовательских учреждениях и вузах республики работало 3024 научных работника, из них около 500 человек были из местных национальностей¹¹⁶. При этом в вузах работали 52 профессора и 193 кандидата наук, в том числе в педагогических вузах работали 19 докторов наук и 83 кандидата наук, в медицинских — 14 докторов и 50 кандидатов, технических — 7 докторов и 17 кандидатов, сельскохозяйственных — 9 докторов и 24 кандидата наук¹¹⁷.

¹¹⁶ Валиев А.К. Из истории науки в Узбекистане //Общественные науки в Узбекистане. — 1993. — №5. — С.16.

¹¹⁷ Узбекистан за XV лет. Статистический сборник. — С.83.

...кого кадрового потенциала было результатом деятельности республиканского Комитета наук. Оно позволило начать в Узбекистане комплексную разработку единой научной тематики, кооперировать научные силы в разрешении важных научных проблем и создать в 1943 году свою республиканскую Академию наук.

Очерки становления и формирования национальной интеллигенции Узбекистана (конец XIX в. – конец 30-х гг. XX в.) (научно-методическое пособие)

Рассмотрено и рекомендовано к изданию на заседании кафедры Истории Узбекистана ТУИТ (протокол № 11 от 20.10.2008 г.)

Обсуждено и рекомендовано к публикации на заседании Методического Совета факультета Э и М (протокол № 3 от 27.10. 2008 г.)

Авторы:

к.и.н. Махкамова Н.Р.

Рецензенты:

ведущий научный сотрудник института истории АН РУз., д.и.н. Абдуллаев Р.М.,
к.и.н., доц. Мандральская Н.В.

Формат 60x84 1/16

Заказ № - 416 . Тираж - 50

Отпечатано в Издательско полиграфическом центре «ALOQACHИ» при ТУИТ
Ташкент ул. Амир Темура, 108